

Гу Цзицин посмотрел на полное ведёрко очищенных каштанов перед собой, затем вспомнил свой дневной разговор с Ся Цяо. Даже будучи слишком ленивым, чтобы глубоко задумываться, он всё же почувствовал неладное.

Он повернулся к Чжоу Цыбаю:

- Ты думаешь, я всё ещё злюсь?

Пальцы Чжоу Цыбая, сжимавшие термос, слегка напряглись.

Гу Цзицин всё понял.

Даже не зная Чжоу Цыбая близко, по их короткому общению было ясно: этот человек с рождения обладал безупречными манерами и сильным чувством морали.

Поэтому чувство вины за то, что он неправильно его понял, должно было терзать его особенно сильно.

Но в этом не было необходимости.

В конце концов, недоразумения возникают просто из-за разницы в восприятии, без злого умысла.

К тому же Гу Цзицина никогда не волновало, что о нём думают другие.

А вот чрезмерное чувство вины Чжоу Цыбая могло создать ненужное напряжение для них обоих.

Гу Цзицин задумался, как вежливо объяснить, что всё это неважно. Как только его лодыжка заживёт, они просто вернутся к прежней договорённости – держать дистанцию и не мешать друг другу.

Но прежде чем он успел подобрать слова, Чжоу Цыбай заговорил первым:

- Поэтому я хочу ещё раз официально извиниться.

Гу Цзицин приподнял бровь:

- ?

Кончики пальцев Чжоу Цыбая дрогнули, он опустил взгляд. Видно было, что ему неловко, но он старался говорить искренне:

- Раньше я неправильно тебя понял и сказал несколько грубых вещей. Возможно, тебе было обидно, но проблема не в тебе. Поэтому, если ты не против... мы можем... продолжить общаться как обычные друзья.

Закончив, он сжал губы, сохраняя внешнее спокойствие, но его пальцы на термосе побелели от напряжения.

Гу Цзицин замедлился.

Если человек испытывает неприязнь к геям, то быть соседями-незнакомцами казалось ему более комфортным вариантом.

Однако, глядя на Чжоу Цыбая, который нервно сжимал губы и выглядел потерянным, он не смог отказаться.

Как и всегда в подобных ситуациях, он пожертвовал своими желаниями и кивнул:

- Хорошо. Будем обычными соседями.

После этих слов Чжоу Цыбай буквально расслабился на глазах.

Тут же он подвинул каштаны ближе к Гу Цзицину:

- Ешь пока горячие, а то остынут. Я пойду чертежи делать. Потом помою термос.

Он попытался уйти с достоинством, но знаменитый баскетболист университетской команды вдруг запнулся и зашагал, как робот.

Гу Цзицин усмехнулся:

- Разве ты не хотел, чтобы я помог с бинтами?

Чжоу Цыбай:

- ...

- А, да.

На этот раз Чжоу Цыбай был спокойнее, лишь икры слегка дрожали.

Но после перевязки его уши стали напоминать майских раков в томатном соусе.

Видимо, страх перед геями никуда не делся. Просто воспитание победило инстинкты.

Размышляя об этом, Гу Цзицин завязал бантик на бинте.

Чжоу Цыбай уставился на изящный бант рядом со своей мускулистой ногой, хотел возразить, но Гу Цзицин поднял взгляд:

- Всё в порядке?

Чжоу Цыбай:

- ...

- Да.

Он проглотил слова.

Гу Цзицин кивнул:

- Отлично. Отёк почти прошёл. Завтра ещё день со льдом - и сможешь нормально ходить.

В его голосе звучала забота и облегчение.

Чжоу Цыбай, с красными ушами, промолчал. Не развязал бант, а сел за стол, достал чертежи «Власти» и углубился в работу.

Раньше Гу Цзицин видел его только после тренировок – энергичным, полным жизни.

Но сегодня, не выходя из комнаты, Чжоу Цыбай был в тёмно-сером свитере и тонких очках.

Стекла, скорее всего, с минимальными диоптриями.

Но они смягчили резкие черты его лица, а сосредоточенное выражение добавило сдержанности и холодноватой отстранённости.

Тут Гу Цзицин вспомнил своё первое впечатление: высокомерный, неприступный, словно цветок на горной вершине.

А оказалось, под маской «идеального злодея из романа» скрывается стеснительный моралист, который серьёзно верит, что нельзя не есть овощи.

Довольно мило.

Может, быть обычными соседями – не так уж плохо?

Вспомнив, как Чжоу Цыбай нервно извинялся, Гу Цзицин подумал о Чжоу-Чжоу – коте, которого они когда-то подобрали с одним мальчиком.

Тот тоже был стеснительным и добрым.

Интересно, как он сейчас?

Решив, что после переезда заберёт Чжоу-Чжоу к себе, Гу Цзицин опустил ресницы.

Всё-таки это единственное, что осталось от прошлого.

Мысли материализовались мгновенно.

Перед сном Гу Цзицину позвонила мать.

- Чжи-Чжи, как дела? В Пекине похолодало? Тёплые вещи надеваешь?

Голос Инь Лань, как всегда, был мягким и деликатным. Даже незнакомец понял бы, что это дама из благородной семьи, привыкшая к этикету.

Гу Цзицин, слушая её годами, не знал, устала ли она от этой роли, но ответил тихо:

- Всё хорошо. Одеваюсь.

- Рада слышать. Ты всегда был самым послушным. – Пауза. – Свободен ли ты на выходных?

Инь Лань, вечно занятая семейными делами и угадыванием настроений родни, редко интересовалась его жизнью.

Поэтому Гу Цзицин сразу понял:

- Что-то случилось?

Он спросил мягко, будто невзначай.

Инь Лань, не задумываясь о его чувствах, продолжила:

- Твой отец хочет расширить бизнес в Пекине. На днях у важного партнёра юбилей. Отец за границей, поэтому поедет Гу Цзюэ. Но он, ты же знаешь...

Она резко сменила тему:

- В общем, сын партнёра тоже учится в Цинхуа. Ты общительный, воспитанный, сможешь найти общий язык. Поезжай с братом, познакомься с людьми. Вам же потом поддерживать друг друга.

Гу Цзицин усмехнулся про себя.

Он называл Гу Цзюэ «братом», но это не делало их семьёй. Как и то, что он звал мужа Инь Лань «отцом».

Гу Цзюэ нужен был лишь фон для его величия.

Вспомнив, как всегда оказывался в тени на официальных мероприятиях, Гу Цзицин почувствовал усталость.

Но он никогда не перечил Инь Лань.

Как не перечил с пяти лет её пасынку и мужу.

- Хорошо, мама. Не волнуйся.

Инь Лань вздохнула с облегчением:

- Знаю, что мой Чжи-Чжи самый ответственный. Я тоже приеду. Заберу Чжоу-Чжоу? Ты же скоро переезжаешь. Может, сразу подберу тебе квартиру?

Инь Лань всегда компенсировала чувство вины подарками – словно пыталась успокоить совесть.

Гу Цзицин позволял:

- Хорошо.

- Справишься с Чжоу-Чжоу два месяца? А вдруг набедокурит? В прошлый раз он чуть не столкнул вторую невестку...

Инь Лань замолчала, поняв, что проговорила.

Гу Цзицин опустил глаза.

Теперь ясно, почему мать вдруг решила отдать кота.

Он стал лишним в Нань.

Притворившись, что не заметил её вины, он рассмеялся:

- Не беспокойся. Чжоу-Чжоу милый, я его обожаю. Привезу к тебе на каникулах. Всё, пока.

Закончив разговор, он поднял взгляд на снег за окном и медленно моргнул.

Обернувшись, увидел Чжоу Цыбая, стоявшего в дверях с курткой в руках.

Неловкий взгляд.

Чжоу Цыбай протянул куртку:

- Думал, будешь долго говорить.

И, опираясь на стену, поспешно забрался на верхнюю кровать.

Обычно он легко забирался наверх, несмотря на травму, но сейчас чуть не упал от суеты.

Гу Цзицин удивлённо приподнял бровь.

Неужели из-за передачи куртки так смутился?

Как он тогда с девушками общается?

Впрочем, с такими внешними данными проблем быть не должно.

Гу Цзицин махнул рукой, умылся и лёг спать. Его дыхание вскоре стало ровным.

Чжоу Цыбай же ворочался без сна.

Через стекло он разобрал лишь обрывки: «Чжоу-Чжоу такой милый», «я его так люблю», «привезу к тебе».

Мозг превратился в кашу.

Неужели Гу Цзицин называет кого-то «Чжоу-Чжоу»? Или это... он?

Но они же только познакомились.

А фраза «буду заботиться» - это о чём?

Вспомнив, как за ним ухаживали эти дни, Чжоу Цыбай с досадой перевернулся на другой бок.

И ещё: «вернуться в Нань»?

Гу Цзицин из Нань?

Могли ли они там встретиться раньше?

Вряд ли. Тогда он был пухлым мальчишкой, совсем не похожим на нынешнего. Даже если и виделись - не узнал бы.

К тому же в Нань единственной, кто проявил к нему доброту, была его школьная любовь.

При этой мысли Чжоу Цыбай немного успокоился.

Нет, он уже дважды ошибался насчёт Гу Цзицина. Третий раз недопустим.

Раз решили быть друзьями – надо преодолеть свою неприязнь к геям.

Вид Гу Цзицина на балконе во время звонка почему-то казался...

Жалким.

Нет, не жалким. Скорее, одиноким. Будто он остался совсем один в этом мире.

Но разве у такого человека не должно быть толпы поклонников?

Чжоу Цыбай ворочался, пока не решил: хватит гадать. Разберётся позже.

Перевернулся, собираясь спать.

И замер.

На соседней кровати Гу Цзицин, сонно потирая глаза, сел. Видимо, раздражённый жарой отопления, он недовольно дёрнул ногой под одеялом, сбросив пижамные штаны.

Потом, полузакрыв глаза, сполз с кровати, налил воды, выпил, поставил стакан.

И полез по лестнице... прямо к нему.

Устроился в образовавшемся от его поворота пространстве, обнял угол одеяла и уснул.

Две стройные бледные ноги бесцеремонно обхватили его покрывало.

Чжоу Цыбай, наблюдавший за этим в реальном времени:

- ...

Через секунду его лицо покраснело так, будто вся кровь прилила к голове.

Что с ним не так?! Почему он вечно спит без штанов!

Он потянулся разбудить Гу Цзицина.

Но едва пальцы коснулись плеча, тот, не открывая глаз, уткнулся в подушку:

- Мама, я устал... Дайте поспать, потом помогу брату с плакатом...

Голос звучал мягко, по-детски беспомощно, словно в кошмарном сне.

Чжоу Цыбай застыл.

Затем, стиснув зубы, закутал Гу Цзицина с головы до пят в одеяло, накинул на себя пальто и лёг спиной к нему на краю кровати.

Завтра он купит четыре балдахина. Иначе, когда вернутся Лу Пин и Чэнь Цзи, этот бесстыдник их точно шокирует.

<http://bllate.org/book/14413/1274338>